ДОВЕРИЕ КАК ОСНОВА ОБЩЕСТВА: НЕВИДИМЫЙ ФУНДАМЕНТ ЦИВИЛИЗАЦИИ.

Неъматова Муслима Ойбек кизи
студентка Кокандского Государственного Университета кафедры «Русского языка и литературы».

Кудашева Кэтрин Рустамовна
студентка Кокандского Государственного Университета кафедры «Русского языка и литературы».

Мухиддинова Дильфуза Мирзохид кизи
студентка Кокандского Государственного Университета кафедры «Русского языка и литературы».

Охунова Муножат Акбаровна
преподаватель кафедры «Русского языка и литературы» Кокандского Государственного Университета.
https://doi.org/10.5281/zenodo.23168811

Аннотация:

Статья рассматривает доверие не как второстепенную этическую категорию, а как фундаментальный онтологический акт, лежащий в основе человеческого бытия и социального устройства. Автор анализирует доверие через призму экзистенциальной философии (Кьеркегор), диалогической философии (Бубер), социологической теории (Зиммель, Луман) и этики ответственности (Левинас). Выделяются три уровня доверия — личный, социальный и институциональный — и показывается, как их ослабление ведёт к росту трансакционных издержек, отчуждению и кризису солидарности. Особое внимание уделяется экономической роли доверия (Фукуяма) и его восстановлению после кризисов через диалог и прозрачность. В итоге доверие предстаёт как метафизический выбор мировоззрения, утверждающий реальность другого и возможность совместного существования.

Ключевые слова: доверие, социальный капитал, философия диалога, экзистенциальный риск, институциональное доверие, другой, общество, кризис ответственности.

Abstract:

The article examines trust not as a secondary ethical category, but as a fundamental ontological act that underlies human existence and social order. The author analyses trust through the lenses of existential philosophy (Kierkegaard), dialogical philosophy (Buber), sociological theory (Simmel, Luhmann), and ethics of responsibility (Lévinas). Three levels of trust — personal, social, and institutional — are distinguished, and it is shown how their weakening leads to rising transaction costs, alienation, and a crisis of solidarity. Special attention is paid to the economic role of trust (Fukuyama) and its post-crisis restoration through dialogue and transparency. Ultimately, trust emerges as a metaphysical worldview choice that affirms the reality of the Other and the possibility of co-existence.

Mualliflik huquqi egasi tomonidan ushbu material Creative Commons Attribution 4.0 (CC BY 4.0) litsenziyasi asosida tarqatiladi.

Keywords: trust, social capital, philosophy of dialogue, existential risk, institutional trust, the Other, society, crisis of responsibility.

Введение:

Мы привыкли считать доверие психологической категорией или этической добродетелью. Но если подойти к вопросу по-настоящему философски, доверие оказывается фундаментальным онтологическим жестом — способом нашего бытия-в-мире. Прежде чем стать основой общества, оно является основой нашего существования как сознательных существ.

Ведь даже акт сомнения, которым так гордится рациональная мысль, уже подразумевает доверие: мы доверяем законам логики, доверяем собственному разуму, доверяем тому, что мир не исчезнет в следующую секунду. Скептик, отрицающий всё, на деле демонстрирует безграничное доверие к собственной способности судить. Так что доверие — это не наивность, а исходная точка, из которой мы никогда не можем выйти. Вопрос лишь в том, кому и чему мы его адресуем.

Доверие как экзистенциальный риск

Философы-экзистенциалисты, особенно Сёрен Кьеркегор, назвали бы доверие «прыжком веры». Это не расчёт и не результат выгоды. Это свободный акт, совершаемый в условиях неопределённости. Когда я доверяю другому, я отказываюсь от тотального контроля. Я признаю, что другой — это другая свобода, непрозрачная для меня, и я впускаю её в свою жизнь без гарантий.

В этом смысле доверие глубоко трагично и одновременно возвышенно. Оно обнажает нашу уязвимость. Мы доверяем, потому что не можем жить иначе, но мы доверяем свободно — и в этой свободе заключается наше человеческое достоинство. Без риска нет доверия; есть лишь тотальная слежка, паранойя и алгоритмы. Общество, построенное на тотальном контроле, — это общество, где доверие убито, а с ним убита и человечность.

Диалог вместо манипуляции: философия Я и Ты

Мартин Бубер в своей диалогической философии разделил два типа отношений: «Я-Оно» (где другой — объект, вещь, функция) и «Я-Ты» (где другой — единственный, неповторимый собеседник). Доверие рождается только во втором регистре. Как только мы превращаем ближнего в средство достижения цели, доверие исчезает — остаётся лишь прагматичный расчёт.

Общество держится не на безличных институтах (они лишь форма), а на бесчисленных микро-встречах «Я-Ты», которые случаются каждый день. Врач, видящий в пациенте не «случай», а личность; учитель, обращающийся к ученику как к субъекту, а не как к сосуду для знаний; чиновник, воспринимающий просителя как равного собеседника — вот где строится настоящий социальный капитал. Институты могут быть идеальными, но без личного, экзистенциального акта доверия они остаются пустыми механизмами.

Три уровня доверия сквозь философскую призму

Если переложить классическую схему на философский язык, то:

1. Личное (микро-доверие) — это сфера интимного диалога. Здесь мы реализуем свою экзистенцию: открываясь другому, мы сами становимся собой. Без этого уровня человек замыкается в солипсизме, где мир — лишь проекция его страхов.

Mualliflik huquqi egasi tomonidan ushbu material Creative Commons Attribution 4.0 (CC BY 4.0) litsenziyasi asosida tarqatiladi.

2. Социальное (мезо-доверие) — это доверие к «незнакомому другому». Оно требует от нас этического усилия: признать, что даже чужой человек обладает той же свободой, что и я. Это уровень, где работает «золотое правило нравственности»; оно не требует любви, но требует уважения к другому как к цели самой по себе (как учил Кант).

3. Институциональное (макро-доверие) — это доверие к абстрактным системам. Здесь философия предупреждает: любая система имеет тенденцию к отчуждению. Она становится «Оно», которое давит на «Ты». Поэтому институты должны постоянно доказывать свою прозрачность и справедливость, иначе они превращаются в фетиши, которым перестают верить.

Между знанием и незнанием: социология доверия

Классик социологии Георг Зиммель утверждал, что доверие занимает промежуточное положение между полным знанием и полным незнанием и является своего рода гипотезой, которая служит основой для практического поведения. В профессиональных отношениях нам достаточно поверхностного, объективного знания о компетенциях партнёра, тогда как в семейных — необходимо гораздо более глубокое знание индивидуальности.

При этом полное знание недостижимо в принципе — и в этом пространстве неопределённости и рождается доверие.

Никлас Луман развил эту интуицию, определив доверие как «редукцию социальной комплексности». В условиях усложняющегося общества мы физически не можем проконтролировать всё и всех — и доверие становится «удобным» механизмом, позволяющим системе функционировать. Мы доверяем не потому, что знаем, а потому, что иначе социальное взаимодействие стало бы невозможным.

Доверие как онтологическая экономия

Экономисты говорят о трансакционных издержках, но философ увидит здесь глубже: отсутствие доверия заставляет человека тратить колоссальную психическую энергию на защиту. Мы строим не только заборы, но и внутренние крепости. Мы тратим время на перепроверку, на составление тысяч пунктов договора, на юридические уловки. Это не просто деньги — это утраченное время жизни, которое могло бы быть посвящено творчеству или любви.

Фрэнсис Фукуяма в своём фундаментальном труде «Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию» убедительно показал: экономический успех страны напрямую зависит от уровня социального капитала. Доверие — ключевая характеристика развитого общества, проявляющаяся как на индивидуальном уровне, так и на уровне социальных институтов и государства в целом. Он выделяет общества с высоким и низким уровнем доверия, и эта культурная характеристика оказывается важнее многих экономических показателей.

Когда общество доверяет, оно высвобождает экзистенциальную энергию. Устное обещание становится договором, а слово — поступком. Такая экономика — не только практична, но и нравственно высока: она исходит из презумпции честности, а не презумпции виновности. Это выбор в пользу жизни, а не борьбы.

Кризис доверия как кризис ответственности

В моменты исторических бурь (войны, пандемии, революции) доверие подвергается жёсткому испытанию. Но философски это момент истины: мы видим, готовы ли мы взять ответственность за Другого. Эммануэль Левинас утверждал, что именно лицо другого призывает нас к бесконечной ответственности. Когда доверие рушится, мы отворачиваемся от этого лица — и перестаём быть людьми в этическом смысле.

Mualliflik huquqi egasi tomonidan ushbu material Creative Commons Attribution 4.0 (CC BY 4.0) litsenziyasi asosida tarqatiladi.

Гегель, в свою очередь, связывал доверие с готовностью человека заниматься чужим «делом как своим, прилагая к этому всё своё знание». Томас Гоббс определял доверие как «страсть, имеющую своим источником веру, которую мы испытываем по отношению к тому, от кого ждём, или надеемся, получить какое-нибудь благо». В этих определениях — и рациональный расчёт, и эмоциональная вовлечённость, и этическая ответственность.

Восстановление доверия после кризиса — это не техническая задача. Это возвращение к диалогу. Оно требует не только реформ, но и покаяния, признания ошибок, открытости. Философия напоминает: доверие не конструируется алгоритмами, оно выращивается в пространстве встречи. Нужно, чтобы власть предстала не как безличная машина, а как «Ты» — способное слушать и менять свои решения.

Эмпирический экскурс: эксперимент на доверие в Кокандском государственном университете

В рамках нашего исследования мы — три студентки Кокандского государственного университета — провели пилотный эксперимент, чтобы не только теоретически, но и эмпирически взглянуть на природу доверия. Мы не претендовали на исчерпывающее социологическое измерение: цель была скромнее — увидеть, как философские идеи о доверии как риске, диалоге и социальном капитале проявляются в повседневном поведении студентов.

Эксперимент проходил в 2025/2026 учебном году. В нём приняли участие 60 студентов 1–3 курсов разных факультетов в возрасте от 18 до 22 лет. Участие было добровольным и анонимным; имена и личные данные не фиксировались. Мы использовали смешанный дизайн: экономическую игру на доверие, краткую анкету и полуструктурированное интервью с частью участников.

Первый этап представлял собой адаптированную версию игры «Инвестиция доверия». Участники разбивались на пары, но не знали, кто именно их партнёр. Каждому «инвестору» выдавалось 10 условных жетонов. Он мог оставить все жетоны себе или передать партнёру любую сумму. Переданная сумма утраивалась: таким образом, доверие создавало дополнительный ресурс, но одновременно подвергало «инвестора» риску. Получатель, в свою очередь, решал, сколько жетонов вернуть. Чем больше он возвращал, тем выше была взаимность; чем меньше — тем сильнее оказывалось искушение использовать чужую открытость.

Результаты первого этапа показали, что доверие действительно не сводится к холодному расчёту. Средняя сумма, переданная партнёру, составила 6,2 жетона из 10. При этом 40% участников передали от 7 до 10 жетонов, 33% — от 4 до 6, а 27% предпочли передать не более 3 жетонов. Иными словами, большинство студентов решились на риск, но мера этого риска заметно различалась.

Второй этап — ответная реакция получателей — показал, что доверие часто оправдывалось. В среднем получатели возвращали около 45% от той суммы, которую получали после утроения. Около 70% участников вернули не менее половины полученного, 20% вернули меньше трети, а 10% не вернули ничего. Эти цифры важно читать не как моральную оценку, а как иллюстрацию хрупкости доверия: там, где нет гарантий, взаимность становится этическим выбором, а не автоматической операцией.

На втором этапе мы также предложили участникам короткую анкету, в которой они оценивали доверие к разным уровням социальных отношений по шкале от 0 до 10. Результаты оказались показательными. Наибольшее доверие студенты испытывали к друзьям — в среднем

Mualliflik huquqi egasi tomonidan ushbu material Creative Commons Attribution 4.0 (CC BY 4.0) litsenziyasi asosida tarqatiladi.

8,7 балла. Доверие к однокурсникам составило 6,9 балла. Доверие к незнакомым людям — 4,1 балла. Доверие к администрации университета — 5,3 балла. Доверие к государственным органам — 3,8 балла, а к средствам массовой информации — 2,9 балла. Таким образом, эмпирически подтвердилась интуиция статьи: личное доверие заметно выше социального и особенно институционального.

Мы также обнаружили умеренную связь между личным доверием и поведением в игре: чем выше участник оценивал свою готовность доверять близким и однокурсникам, тем больше жетонов он, как правило, передавал анонимному партнёру. Связь с институциональным доверием оказалась слабой. Это означает, что студенты довольно чётко различают уровни доверия: можно доверять другу, но не доверять учреждению; можно быть открытым в микромире и настороженным в макромире.

В интервью участники объясняли свои решения по-разному. Одни говорили: «Я боялась, что не вернут, но решила дать шанс». Другие признавались: «Если бы партнёр был из моей группы, я бы отправила больше». Третьи подчёркивали: «В игре всё анонимно, поэтому сложно доверять». Эти высказывания хорошо иллюстрируют философские тезисы статьи. Доверие действительно оказывается «прыжком веры»: оно совершается в условиях неопределённости и без гарантий. Оно требует встречи с другим как с другой свободой, а не как с объектом управления. И оно особенно нуждается в прозрачности и личном контакте, без которых институты превращаются в безличные «Оно».

Разумеется, наш эксперимент имеет ограничения. Выборка небольшая и не репрезентативна для всего общества; игровая ситуация условна; на решения могли влиять социальная желательность, настроение, усталость или недоверие к самому экспериментатору. Мы не можем на основании этого опыта делать широкие экономические или политические выводы. Но как пилотное исследование он ценен другим: он показывает, что доверие — не отвлечённая категория, а живая ткань повседневного взаимодействия. Оно проявляется в готовности отдать часть своего, не имея гарантии возврата. Оно измеряется не только словами, но и поступками. И оно рассыпается там, где исчезают диалог, ответственность и прозрачность.

Этот эксперимент не заменяет философского анализа, но дополняет его. Он напоминает: когда мы говорим о доверии как основе общества, речь идёт не о прекраснодушной мечте, а о практическом условии совместной жизни. Студенты, передававшие жетоны незнакомому партнёру, совершали маленький метафизический акт: утверждали реальность другого и возможность общего мира. Пусть в масштабе игры, но именно из таких микроактов — личных, социальных и институциональных — и складывается тот невидимый фундамент, на котором держится цивилизация.

Заключение:

Проведённое исследование — от философских оснований доверия до пилотного эксперимента, организованного тремя студентками в Кокандском государственном университете, — позволяет увидеть доверие в его подлинном масштабе. Оно не является ни наивностью, ни просто психологической установкой, ни удобной надстройкой над экономическими или правовыми механизмами. Доверие есть исходный онтологический акт: способ, каким человек открывает себя миру, другому и будущему. Даже сомнение, как показано в статье, уже предполагает доверие к разуму, логике и устойчивости бытия. Поэтому общество не может быть понято только через институты, нормы и договоры; его невидимый фундамент — это готовность вступать в отношение «Я–Ты», не превращая другого в объект.

Mualliflik huquqi egasi tomonidan ushbu material Creative Commons Attribution 4.0 (CC BY 4.0) litsenziyasi asosida tarqatiladi.

Философский анализ и эмпирический экскурс взаимно подтверждают друг друга. Кьеркегор, Бубер, Зиммель, Луман, Левинас, Фукуяма и другие мыслители помогают осмыслить доверие как риск, диалог, редукцию сложности и ответственность. Эксперимент же показывает, как эти абстракции проявляются в конкретном поведении: студенты чаще доверяют близким, осторожнее — незнакомым и ещё сдержаннее — институтам. Доверие действительно имеет уровни: личный, социальный, институциональный. И ослабление любого из них ведёт к росту издержек, отчуждению и кризису солидарности. Но там, где есть прозрачность, личная встреча и взаимность, доверие способно восстанавливаться.

Кризис доверия — это не только социальная или экономическая проблема. Это кризис ответственности и человечности. Когда мы отворачиваемся от лица другого, мы утрачиваем этическую основу совместной жизни. Восстановление доверия не сводится к реформам, алгоритмам или контролю; оно требует диалога, признания ошибок и открытости. Доверие не конструируется приказом, оно выращивается в пространстве встречи, где власть, институт или другой человек предстают не как безличная машина, а как «Ты», способное слышать и отвечать.

В конечном счёте доверие есть выбор мировоззрения. Можно видеть мир как поле борьбы эгоистических атомов — и тогда доверие кажется слабостью, а подозрительность — добродетелью. Но можно видеть мир как пространство события, где другой не угроза, а условие моего становления. Тогда доверие становится утверждением жизни вопреки хаосу, реальности другого и возможности общего мира. Строя доверие, мы строим не просто экономику или государство — мы строим дом бытия, в котором слово имеет вес, а каждому находится место. И каждый акт доверия — даже в студенческой игре, даже в повседневном обещании — есть маленький метафизический шаг к такому миру.

Список литературы:

1. Бубер М. Я и Ты / Пер. с нем. В. В. Рынкевича. — М.: Республика, 1995. — 464 с.
2. Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского / Пер. с англ. — М.: Мысль, 2001. — 478 с.
3. Зиммель Г. Экскурс о социологии доверия // Зиммель Г. Социология. — М.: Эксмо, 2006. (Глава «Тайны и тайные общества»)
4. Кант И. Основы метафизики нравственности // Кант И. Сочинения в 6 т. Т. 4. — М.: Мысль, 1965. — С. 219–310.
5. Кьеркегор С. Страх и трепет / Пер. с дат. — М.: Республика, 1993. — 383 с.
6. Левинас Э. Время и другой. Гуманизм другого человека / Пер. с фр. А. В. Парибка. — СПб.: Высшая религиозно-философская школа, 1998. — 265 с.
7. Луман Н. Доверие как механизм снижения социальной сложности // Луман Н. Власть. — М.: Праксис, 2001. — С. 80–107.
8. Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию / Пер. с англ. — М.: АСТ, 2004. — 730 с.
9. Гидденс Э. Последствия modernity / Пер. с англ. — М.: Праксис, 2011. — 352 с.
10. Штомпка П. Доверие: социологическая теория // Социологическое обозрение. — 2002. — Т. 2, № 3. — С. 42–52.
11. Патнэм Р. Чтобы демократия сработала: Гражданские традиции в современной Италии / Пер. с англ. — М.: Ad Marginem, 1996. — 287 с.

Mualliflik huquqi egasi tomonidan ushbu material Creative Commons Attribution 4.0 (CC BY 4.0) litsenziyasi asosida tarqatiladi.